БРОДЯЩІЯ МЫСЛИ

изъ

КНИГИ ГОСПОЖИ

ДЕ * * *

печатанной въ Лондонѣ

1758.

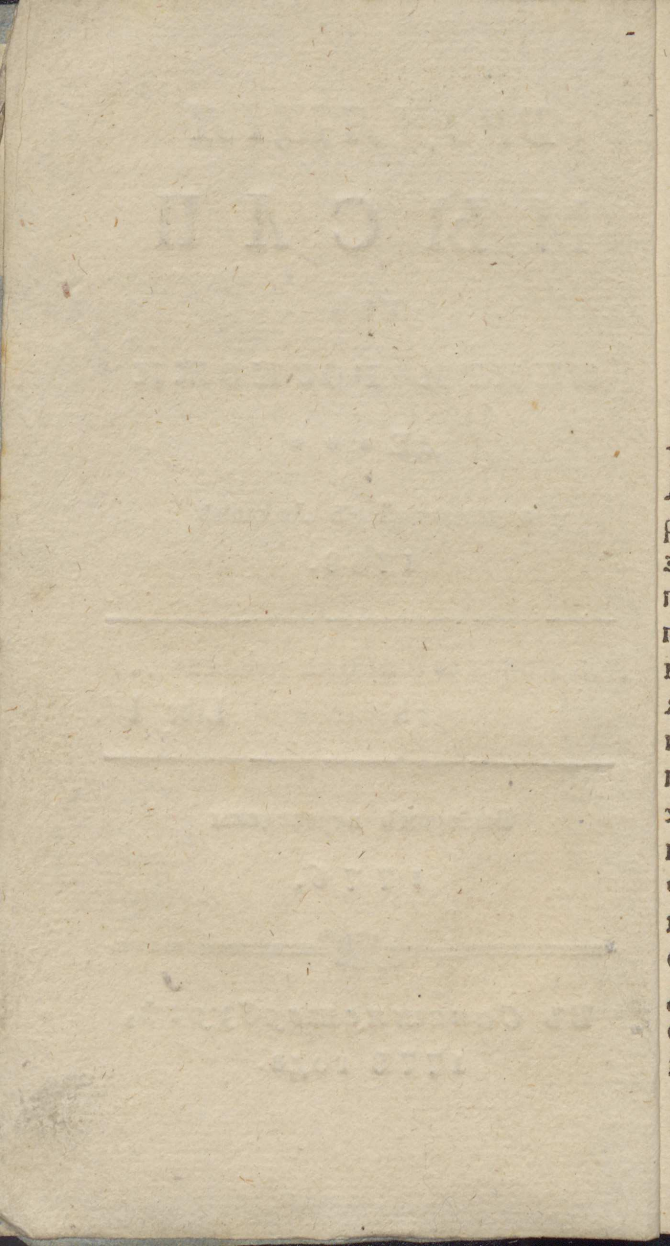
Non semper ea ſunt quæ videntur ...
Phoedr. Prol. Libr. IV.

Выборомъ переведены

1776.

Въ Санктпетербургѣ,
1778 года.

БРОДЯЩІЯ МЫСЛИ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Все въ себѣ содержащее.

Мнѣ не больше другихъ Авторовъ запрещено дѣлать нѣкоторое защищеніе трудамъ моимъ, съ такою только разностію, что въ похвалу ихъ ни чьего имяни занимать я не стану: когда сама обьявлю я мои намѣренія и достоинство моей книги, оставлю по томъ объ ней, разсуждать какъ хотятъ; а что я о томъ говорю, то для того только, чтобъ назначить дорогу тѣмъ, которые не мыслятъ, какъ по мыслямъ другихъ; справедливожъ и то, чтобъ я ихъ довела до полезнаго обо мнѣ суда, оставляя имъ на волю выслушивать критиковъ, съ которыми они ко-

нечно со временемъ согласятся. И такъ единственно для склоненія ихъ въ мою пользу говорить я начну. Искренность сего признанія предварительно должна увѣрять, что я во всемъ прочемъ отъ нее не отступлю, и въ томъ конечно не ошибутся. Я такъ какъ и всѣ люди желаю, чтобъ доброе имѣли обо мнѣ мнѣніе; Но вѣдая, что всѣхъ голосовъ соединить не возможно, ожидаю нападенія критиковъ праведныхъ и неправедныхъ, съ обѣщаніемъ, ни мало зато не досадывать. Вотъ все то, что для услуги публики здѣлать я могу; Въ прочемъ ежели публика мыслитъ что въ ея удовольствіе я пишу, она крѣпко ошибается; Не хочу я нищетски просить ея одобренія, а тружуся я для моего увеселенія; Я не чаю быть въ состояніи, чтобъ могла другимъ умножать забавы; Одна только мысль такая меня смущалабъ и сдѣлалабъ меня еще скучнѣе. Итакъ съ нѣкоторымъ желаніемъ полюбить-

биться, не хочу я великаго труда прилагать о достиженїи до того. Я точно таковажъ, какъ тѣ люди, которые часто и много сердятся; Они хотѣлибъ быть людми, да не хотятъ себя поправить, для того, что мнятъ себя быть любезными, и такъ каковы они находятся, а когда усматриваютъ, что они не нравятся, обвиняютъ другихъ дурнымъ вкусомъ.

Въ самомъ дѣлѣ сїе весма спокойнѣе, нежели воздерживать себя опасно и строго; для того и я также хочу слѣдовать склонности моего пера или моего духа. Я всегда стану вѣрить, что всѣ происходящее отъ нихъ очень хорошо, лишъ бы оно мнѣ нравилося, и не поставлю въ число умныхъ людей, какъ тѣхъ только, которые со мною будутъ согласны; а другїе могутъ напередъ быть увѣрены, что я ихъ почитаю глупцами; Полезно мнѣ преставлять ихъ таковыми и не вижу я, для чего мнѣ по-

)(3 другой

другой причинѣ рѣшить то, кромѣ моей пользы; Мнѣ кажется, что въ томъ состоитъ нынѣшняя мода Надобно мнѣ еще сказать, что друзья мои не принуждали меня печатать мою книгу; Они столь разсудительны, что нельзя было имъ не чувствовать, что лучшебъ ее не печатать: Она можетъ нѣсколько часовъ забавлять, да можетъ же равномѣрно и наскучить; Зависитъ то отъ разнообразнаго мнѣнія; Явно изъ того, что ее напечатать ни кто мнѣ охоты не придавалъ, и конечно охота та моего посѣву; Не требовала я мнѣнія, для того, что требовать того не имѣю обыкновенія, развѣ когда сама похочу тому послѣдовать; А когда желаю что здѣлать по своей головѣ, не спрашиваюся ни съ кѣмъ ни о чемъ. Тѣмъ цѣлую половину убавляю цензоровъ, ибо ни чьего самолюбія я не уязвила, слѣдовательно и осуждать меня нѣтъ ни кому пользы.

I.

Я твердо рѣшила ни въ чемъ не притворствовать по добрымъ причинамъ отъ себя самой сказаннымъ . . . . . И вотъ они:

Наши разговоры показываютъ то, въ чемъ хотимъ мы, чтобъ намъ вѣрили; но дѣла наши показываютъ насъ такими, каковы мы находимся; ежели слова наши въ томъ обманываютъ, поведенїе наше скоро всѣмъ глаза откроетъ. Стыдливыя женщины желающїя въ одно

время имѣть и веселыя роскоши и славу добродѣтели, сами себя мечтательно проводятъ; ни кто въ томъ не ошибется; надобно одно выбрать, и по тому поступать прямо, какъ говоритъ нѣкто минувшаго вѣка ученой человѣкъ: не трудитеся столь„ко прикрывать себя маскою; ежели „хотите чтобъ почитали въ васъ „добродѣтель, послѣдствуйте ей, „любите ее искренне; но ежели она „вамъ не нравится не прибавляйте по „менщей мѣрѣ лицемѣрія ко всѣмъ другимъ вашимъ порокамъ.... Не должно однако принимать сїю мысль во всемъ ея пространствѣ, ибо слѣдовалобъ изъ того, что надобно порочнымъ людямъ выстанавливать нѣкоторымъ образомъ трофеи своихъ безпорядковъ; не такъ о томъ разумѣть надобно; всегда хорошо скрывать злое свое поведенїе, когда здѣлать то можно; но не должно какъ на показъ выставливать крайности тому противныя. Посмѣянїя достойна

на строгая внѣшность, когда наши дѣла насъ изобличаютъ. Сколько людей старающихся разпознать, чего мы внутренно стоимъ! завистники, враги наши, да и друзья наши, всѣ отверстыми смотрятъ на насъ очами какъ только въ чемъ нибудь притворствовать мы начнемъ; случится что трехъ, или четверыхъ ослѣпить хотя и можемъ, но вмѣсто того тысячи останутся, которые обмануть себя недопустятъ. И такъ дѣйствительно заслуживать должно почтенїе и уваженїе, ежели мы ихъ привлечь къ себѣ желаемъ.

2.

Онъ утверждалъ какъ Монт.....
Что воздухъ чемъ дышемъ, рѣшитъ умы и нравынародовъ....

А я говорю: Климатъ не имѣетъ силы надъ умами народовъ; но рѣшатъ то времена и обстоятельства.

Какая разнота! и походятли Римляне сами на себя? Подъ Сервїемъ, Туллїемъ, они были спокойные и верные подданные; подъ Тарквинами, вдругъ они перемѣнилися; духъ республиканскїй проникъ во всѣ головы, и ктобъ разно со множествомъ народнымъ мыслилъ, тотъ достоинъ былъ смерти; Приключилася однако всеобщая сїя перемѣна отъ одного частнаго приключенїя. На конецъ сїя химера, ежели такъ ее почесть, была источникомъ ихъ величїя.

Люблю я тѣ первыя времена республики; все тогда дышало добродѣтелїю; забывается начало людей тѣхъ, которые сперва составляли артель разбойничью; кажется, что всѣ они стали Философы или герои. Былижъ и такїя времена, которыя въ жалость приводятъ: Бреннъ ихъ сокрушаетъ, но Камиллъ ихъ возстановляетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Римляне и сто градусовъ превышаютъ человѣчество. Трудно понять, что

что цѣлой народъ соглашается желать блага превосходнаго, и цѣнить добродѣтель такъ чего она стоитъ, не збиваяся ни на право ни на лѣво, брали въ диктаторы изъ за сохи; не удивительно ли, что толь простой человѣкъ въ состоянїи былъ выдавать законы и повелѣвать армеями? а еще и того дивнѣе, что онъ не ослѣплялся отъ сїянїя своихъ трїумфовъ, и желанїе прїобрѣтать славу въ немъ преставало, какъ скоро отечество не имѣло нужды въ его побѣдительной десницѣ. Въ тогдашнїя времена не знали происковъ ни коварствъ въ Римѣ, доволствовалися потребнымъ, а излищество не почиталося потребностїю; по тому главныя мѣста давалися истинному достоинству, для того, что богатство не почиталося достоинствомъ; наконецъ златой тотъ вѣкъ затмился; роскошь вошла въ Римъ со всѣми другими пороками обыкновено ее препровождающими. Богачи дѣлали пирше-

ства

ства народу, для приласканія его къ себѣ, и для полученія отъ него чиновъ и мѣстъ; сіе обыкновеніе доведено была до ужасной крайности. Народъ соезъ то лучше почувствовалъ свою рилу и могутство: отъ того междоусобныя войны, честолюбцами поджигаемыя. Сколько злодѣйствъ! сколько кровопролитія! Народъ сей владычествующіи надъ всѣми другими народами, не умѣлъ уже управлять самъ собою; и такъ надобенъ сталъ ему повелитель; но сіе поправленіе находилъ онъ злѣе всѣхъ прежнихъ бѣдъ; и ненависть была такъ сильна, что ее побѣдить казалося за невозможное дѣло! однако стала она покорена, за долго еще до того, какъ тому повѣрили. Повиновалися Марію, Силлѣ, Помпею, которые подъ имянемъ добрыхъ слугъ республики, наложили оковы на свою владычицу; правдажъ, что было то не безъ бунтовъ и не безъ споровъ; но является Кесарь и на всѣхъ иго налагаетъ; вотъ рим-

Римляне уже къ ногамъ его припадающїе! нѣкоторые однако возбужденные припамятованїемъ древнїя вольности, похотѣли ее отыскать и погрузили все въ самую бездну безпорядковъ! послѣднее то было терзанїе духу республическому, всѣ за тѣмъ слѣдовавшїя усиленїя были слабы, или худо производимы. На конецъ Августъ, преславный тотъ Августъ, которой путемъ злымъ и порочнымъ, достигъ до самой добродѣтели, нашолъ тайное средство, какъ покорить себѣ тѣхъ сумазбродныхъ, и наполня вселенную своими мщенїями и своимъ честолюбїемъ, владычествовалъ потомъ надъ сердцами и надъ волею всѣхъ. Подъ его владѣнїемъ увидѣли, что гордые Римляне стали со всѣмъ другїе люди: они ласкательствуютъ, они покоряются, они припадаютъ на колѣни предъ тѣмъ, котораго всю власть и силу составляютъ; но все то было ничто предъ тѣмъ, что послѣдовать имѣло. Какїе подло-скаред-

редные невольники они стали при Тиверіѣ, при Калигулѣ, при Неронѣ! . . . . . Предаю все прочее молчанію, дабы разсудить о Римлянахъ при нынѣшнемъ ихъ состояніи: человѣки ли они? разумѣю толко о тѣхъ, что называется: народъ, безъ вѣры, безъ храбрости, безъ благонравія; нѣтъ въ нихъ ни малѣйшаго слѣда древнія добродѣтели, всего обыкновеннѣе у нихъ, ядъ и смертоубивство; боятся ихъ для того; что они измѣнники; когдажъ они выходятъ въ поле за стыдъ почти поставляютъ съ ними сражатся, они столь же трусливы противъ своихъ непріятелей, сколь вѣроломны къ ихъ женамъ и къ ихъ согражданамъ. Какая разнота! повторю еще, между Римлянъ и Римлянъ! однако умѣренность климата не перемѣнилася; и такъ не на климатъ въ томъ жаловаться надобно.

Подобные примѣры находятся во всѣхъ народахъ. Правда что они менше въ глаза мечутся, для того, что

что народы тѣ не такъ славны у насъ у Галловъ; въ варварствѣ сила была крѣпчае! я вижу, что народы, становяся учтивѣе, ослабѣваютъ: однимъ словомъ все ветшаетъ, все возрастаетъ. Сіе единое есть всеобщее и непремѣнное правило.

3.

Преизрядныя заповѣди, которыя я слушала не выговаривая моей мысли . . . . . вотъ они

Не надобно печалится о томъ чему нѣтъ поправленія. *Надобно* спокойно смотрѣть на всѣ произшествія въ жизни. *Надобно* собою владѣть совершенно и не допускать отгадывать того, что мыслишъ, развѣ смотря, когда что дать знать потребно. *Надобно* отъ страстей бѣжать, они величайшіе враги.

Всѣ сіи изрѣченія, говорила я сама себѣ, прекрасны въ умозрительствѣ

вѣ, но претрудны во исполненіи. Отвѣтствую на первую, что я не печалюся, какъ о томъ, чему нѣтъ поправленія, и по той самой причинѣ, что я того не могу поправить, и слѣдовательно печаль моя праведна, когда я ея не уповаю облегченія; не тожъ бываетъ съ тѣмъ, что можно поправить или отмѣнить; благоразуміе мнѣ повелѣваетъ мыслить о способахъ къ тому поспѣшествующихъ, и для того я печаль мою воздерживаю. Я довольно въ томъ согласна, что пачалиться нѣтъ потребности, но едвали сыщутся въ жизни такія обстоятельства, когда то къ чему нибудь послужить могло, и такъ Аргументъ тотъ общіи, но ни чего не заключающій, равно какъ бы сказать, что надобно во всемъ себя успокоивать: сіе зависитъ отъ сложенія тѣлеснаго, да не отъ насъ зависитъ родится живымъ или Флегматикомъ. Чтожъ принадлежитъ до недопущенія отгрдывать своихъ мыслей, весма то

можетъ быть потребно; Но сїе качество таковожъ есть, какъ серебро и золото; Употребленїе онаго возвышаетъ или унижаетъ его цѣну. Подлинно кто собою владѣть совершенно умѣетъ, тотъ многого другихъ силнѣе; Оказывается тѣмъ мудрость у того, кто можетъ то дѣлать. Политика можетъ быть добродѣтелїю, но ежели она перемѣнится въ лукавство, тогда приближается она ко Лжи, слѣдовательно станетъ порокомъ; А средину въ томъ сыскать не безъ труда. Чтожъ касается до убѣжанїя отъ страстей, щастливъ тотъ, кто можетъ то дѣлать; Легко сїе выговаривать!

4.

Оспорить не можно, чтобъ любовь не была страсть прелестнѣе всѣхъ прочихъ; Но мущины и женщины, какъ сговоряся ее безчестятъ. Я мало въ людяхъ бывала, да и малое что въ нихъ видѣла, и то по-

даетъ мнѣ охоту, лучше отъ нихъ бѣжать, нежели ихъ искать; Въ прочемъ я объ нихъ довольно наслушалася отъ умныхъ и вѣры достойныхъ людей.

Вообще, женщины желаютъ мущинамъ нравится, а мущины ихъ презираютъ; Женщины тщеславныя требуютъ почтенія, послушанія, преданности, учтивости, все то для нихъ дѣлаютъ; А какъ они столькожъ слабы, сколь и тщеславны, потому и допускаютъ себя ловить сею привабою, и находятся тогдажъ въ пленѣ, когда чаютъ налагать оковы на своихъ любовниковъ.

Мущины доходятъ до своей мѣты; Они представляютъ себя неволниками и послушниками до того часа, какъ получатъ удовольствіе, которое имъ и наскучитъ скоро; Тогда они явно уже презираютъ, или не уважаютъ; Почти всѣ любовныя дѣла тѣмъ кончатся.

Вотъ

Вотъ краткое описаніе мнѣ зделанное о нынѣшнихъ привязанностяхъ, котораго не хочу выпущать изъ глазъ своихъ, ежелибъ во всякомъ дѣлѣ можно было пользоваться искуствомъ другихъ, всѣ съ невеликимъ трудомъ былибы щастливы.

5.

Обыкновенно себя утѣшаютъ больше по слабости, нежели по какой другой причинѣ; По тому что силы не имѣютъ сносить болѣзнь свою вѣчно; Устаютъ печалится; Скучаютъ быть нещастными; сверхъ того время все перемѣняетъ, разнитъ вкусы и обстоятельства; Не такъ какъ прежде на все смотрятъ; Находятъ облегченія, каковыхъ сперва не примѣтили; или случаются произшествія, по видимому насъ награждающія, и хватаются за все за что только можно, для выведенія себя изъ мучительнаго и удручающаго состоянія. Къ му-

дрости и къ благоразумію принадлежитъ дѣлать то когда можно, а конечно къ щастію, когда есть къ тому возможность; Но ни кто мнѣ не говори: я взялъ намѣреніе себя утѣшить, по тому что поправить того не чемъ; Причина сія ни когда ни кого увѣрять не должна и не можетъ. Какъ! Я престану печалится о злѣ, для того что оно неизлѣчимо! Нещастіе не будетъ мнѣ казаться нещастіемъ, для того что ему не будетъ конца. Я ничего не нахожу безумнѣе, какъ такимъ образомъ разсуждать, (ежели еще можно то назвать разсужденіемъ) но станемъ говорить правду и пощупаемъ внутренность сердечную. Когда говорятъ, я себя утѣшилъ, для того что не находилося тому поправленія, говорятъ то по тому, что не смѣютъ объявить какія къ утѣшенію имѣли причины, ибо они намъ противны. На примѣръ, флегматики и безпечные, которые ни къ чему не прилѣжатъ, какъ по елику не нару-

шаетъ

шаетъ то ихъ покою, которые тысящекратно лучше погубятъ то, что по видимому имъ всего миляе, нежели утратятъ одинъ часъ изъ ихъ благосостоянія: такія люди, говорю я, не осмѣлятся признавать въ себѣ подобныхъ чувствованій; Увидятъ что они тотчасъ и безъ труда примутся во всемъ за то, что имъ пристоино; Они изъ того составляютъ честь философіи своей и храбрости; Они видомъ драгоцѣннымъ разглашаютъ, что надобно самому собою владѣть и уступать обстоятельствамъ. Но вочто имъ то становится, когда они толь мало чувствованій имѣютъ? Да не ихъ я и похваляю, не имъ я удивляюся. Добродѣтель ихъ, когда она у нихъ случается, есть дѣло сложенія у нихъ тѣлеснаго; Естеству одному они одолжены за подобіе ихъ достоинства, и хотя они не великаго стоятъ почтенія, да по меньшей мѣрѣ люди они щастливые. Но то подлинно, что кто имѣетъ доброе сердце и претерпѣ-

 ваетъ

ваетъ лишенїе не возвратное, тому конечно настоитъ случай быть на всегда не утѣшнымъ, и точно для того, что тому нѣтъ поправленїя; а тогда остаются только два средства ко принятїю, самой же удобнѣйшїй, запереться, и ни кого къ себѣ не пускать; а полезнѣйшїй, видѣться съ немногими друзьями, для разогнанїя мыслей печальныхъ и законныхъ; Но притомъ надобно себя принуждать, дабы не показать себя несправедливымъ, и не быть помѣхою бесѣдѣ, заставляя ее непрестанно сносить печаль, въ которой она ни чемъ не виновата.

Признаюся, что принужденїемъ себя не утѣшаются; но и къ тому какъ ко многимъ другимъ непрїятностямъ привыкаютъ; и заподлинно можно почесть добродѣтелїю и то, что сильное о томъ прилагаютъ старанїе. Печаль такаяжъ страсть, какъ и другїя, и одолѣвать ее не легко можно.

6.

6.

Подробно сказывали мнѣ содержаніе писемъ Сіамскихъ, что слушавъ плечами я пожимала . . . . .

Въ самомъ дѣлѣ все таже, да таже привѣвка, то есть, критика на нравы вѣка сего, и на народъ нашъ. Не должноль уже утомится выговорами за то, чего никогда не исправятъ? Авторъ сей жестоко нападаетъ на роскошъ женщинъ и на ихъ волокитство . . . . . Все то изрядно, государи мои, да для чегожъ вы пригожство ихъ достоинствомъ почитаете? Ежелибъ вы столько умны были, чтобъ приставать только къ достоинству и къ добродѣтели, многобъ тѣмъ излишности пресѣклося; Но кто нибудь мнѣ скажетъ, для чего они ищутъ нравится мущинамъ? Я ему отвѣтствую, а для чего ихъ воспитываютъ въ такой склонности? Для чего

 сами

сами мущины составляютъ имъ изъ того подобіе славы? Я уже говорила, и еще тожъ повторяю, злое воспитаніе служитъ основаніемъ сумазбродству женщинъ, а волокитное почитаніе отъ мущинъ, его совершаетъ: Они намъ льстятъ, они насъ разцѣниваютъ. Вотъ въ вышшемъ степени и ложъ и обманы.

7.

Играя въ Пикетъ откидываютъ Карты какъ можно лучше, Но не извѣстна прикупка, а то и рѣшитъ хорошоль или худо откинули. Иногда пристаютъ сами не зная для чего, къ одной картѣ, удерживаютъ ее нидля чегожъ, а по томъ взятыя карты придаютъ ей цѣну, или дѣлаютъ ее не надобною, иногдажъ она и портитъ игру. фортуна все полезно прибираетъ для щастливыхъ, а все на оборотъ для нещастныхъ. Ни что, по мнѣнію моему лучше не представляетъ

ляетъ теченія жизни человѣческой. Принимаютъ свое намѣреніе хорошо или худо, чего не знаютъ во время о томъ своего рѣшенія, хотя всегда мнятъ, что хорошо дѣлаютъ; Успѣхъ только покажетъ, что послѣ изъ того выдетъ; и хотя благоразуміе само собою весма почтенно, готова я однако объ закладъ биться, что оно чаще всего ненадобно бываетъ. Невидывалиль, что наилучше принятыя мѣры не удаются, а почти повсядневно щастливые поступки возводятъ безумныхъ на самой верхъ благополучія? Я довольно въ головѣ моей затвердила, что мы не можемъ избѣгать того, что намъ опредѣлено и назначено на Небеси; не зависимо то отъ нашей склонности и воли, надобно намъ всѣ обстоятельства исполнить; Порокъ и добродѣтель не бываютъ ни препонами ни средствами въ успѣхахъ.

лабы огорченіе изъ ума его. Должно равномѣрно сожалѣть о тѣхъ, которые себя поправлять не могутъ и о тѣхъ, которые по безумію своему того здѣлать не хотятъ; ибо сіе есть самое безуміе. Тщетно вопреки мнѣ представятъ, что есть великаго ума люди, которые худой въ себѣ стороны не видятъ, или между ими то видящіе не хотятъ труда на себя принять къ ея изкорененію; а не оставляютъ однако критиковать весь родъ человѣческой. Я всегда говорить стану, что у такихъ людей не достаетъ не малой части въ ихъ душѣ, для того, что они не чувствуютъ нужды въ достиженіи до совершенства, и что они столь несправедливы, что хотятъ требовать отъ другихъ того, чего не хотятъ извлещи изъ собственной внутренности.

II.

Онъ всегда тожъ твердилъ . . . .

Что миновало, то прошло; Что сказано, то говорено. Хотятъ новости и разности; Старики не имѣютъ толь плодовитаго воображенія, какъ люди молодые; Они непрестанно возвращаются на прежде бывшее, по тому, что настоящее для нихъ тяжко, а на будущее они мало надежны. Вотъ отъ того точно молодымъ людямъ съ ними скучно, по тому, что молодость упражняется настоящимъ, замышляетъ о будущемъ, а прошедшее въ ничто ставитъ Всѣ въ человѣкѣ лѣта имѣютъ свою слабость, каждой слѣдуетъ своей, и ни кто терпѣть ее не хочетъ въ другихъ; отъ того рвется союзъ общества. Ежелибъ похотѣли съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку уступать, не былобъ ни какой неудобности совокупить всѣхъ во едино. Всего для молодости полезнѣе, находиться

8.

Обыкновенно говорится, что правда досаждаетъ . . . . .

Сіе не можетъ быть правдиво для всѣхъ: я съ моей стороны простилабы скоряе *Злословіе*, нежели *Клевету*; Дѣло возможное не подавать случая къ злословію; но совсѣмъ не возможно избѣгнуть отъ клеветы, когда врагамъ нашимъ угодно ею на насъ нападать. *Велико то зло, противъ котораго нѣтъ поправленія.*

9.

Не любилабы я сказывать мою тайну Героинямъ, каковы въ романахъ . . . . .

Для того, что обыкновенно такого рода особы ходятъ всюду разказывая свою исторію; а въ повѣсти

диться съ людми нѣсколько пожилыми. Сіе былобъ какъ узда на ихъ вѣтреность; Но не надобно, чтобъ узда та была ржавая; Надобно молодости спускать все, что не доводитъ до зла, и забавлять себя маленкими ихъ вертопрашествами; Такая льгота не пропадаетъ. Смотрятъ съ радостію великою на тихость тамъ, гдѣ боялися строгости, а отъ того становятся весма склоннѣе ко угожденіямъ, и допускаютъ себя уже руководствовать по дѣламъ важнымъ. Не сохраняютъ своей власти тѣмъ чтобъ давать ее много чувствовать; Вопреки тому надобно старатся дѣлать ее пріятною, дабы не искали отъ нее себя свободить.

12.

Какая глупость, дѣлать прожекты ....

Подлинно глупость, признаюся въ томъ; Но такъ надобная для нашего бла-

благосостоянія, что и тѣ самые, которые ее хулятъ, не могутъ безъ нее обойтится; Я еще больше скажу, что въ прожектованіи есть и благоразуміе, хотя очень часто въ томъ успѣха не получаютъ; Искуство то потребно для наученія насъ, сколь мало полагатся можно на произшествія въ жизни человѣческой. Сверхъ того время провождаемое въ разпоряженіи нашихъ намѣреній, не можно почесть самымъ непріятнымъ. На конецъ крайніе только глупцы идутъ, а куда сами не знаютъ, и не имѣютъ въ виду ни какого намѣренія, во всемъ, что ни дѣлаютъ.

13.

Всѣ шаги наши ведутъ насъ къ болѣзнямъ и печалямъ....

Сколь мало лѣтъ я ни жила, однако много опытовъ тому имѣла. Когда чего нибудь желаютъ, тогдажъ отва-

ихъ введена былабъ и моя исторія; Не забавноль то былобы? Въ обще страстные люди любятъ говорить много, по чему конфиденты такіе очень худы.

10.

Найдите мнѣ кого нибудь, ктобъ другими былъ доволенъ, а самъ собою недоволенъ......

Я былабъ доволнѣе, ежелибъ сіе на оборотъ было сказано; Да нѣтъ, какъ Діогенъ ищу человѣка; я хочу сыскать такого, которой бы довольно былъ правосуденъ къ ближнему своему, а строгъ самъ къ себѣ, которой бы умѣлъ видѣть свои пороки, и желалъ бы ихъ исправить, чтобъ трудности при исполненіи сего проекта заставили его чувствовать, сколь жалости достойны тѣ, которые не могутъ, или не хотятъ ихъ одолѣвать; и слѣдователно жалость та изгна-

лабы

отваживаются на печаль того не получить: Получают ли желаемое? Кто может себя избавить отъ страха того лишится, и отъ печали о погибшемъ, когда то збудется? Ахъ! Вся благая наша наибольше желаемая суть источникъ горестей наичувствительнѣйшихъ! Съ другой стороны безъ изъятное во всемъ неуважанiе есть, можетъ статся, токмо бытiе мысленное; Но ежели оно существуетъ, не можетъ принадлежать какъ несмысленнымъ; А такiе люди живыли они? Вѣчное то произрастенiе: И такъ имѣя хотя малую душу, надобно себя готовить къ провожденiю бѣдныя жизни. Истинно я не знаю, за что ее любятъ, безъ сумнѣнiя для того, что ни чего лучшаго не знаютъ.

14.

Къ чему служитъ печалится . . .

Печалится въ нещастiи, или радоватся въ благополучiи, кажется безумно,

умно, когда помыслимъ о краткости жизни и о подлинности смерти, которою все кончится. Но естьли на семъ свѣтѣ благополучїе или нещастїе? Сїе подлежитъ еще разсмотренїю: что дѣлаетъ блаженство одному, тожъ наноситъ страданїе другому. И такъ все то рѣшится однимъ только мнѣнїемъ: Надлежало бъ однако его разпорядить по произшествїямъ, такъ, чтобъ мы за благо принимали все случающееся. Ахъ прожектъ прекрасной! Осталося только къ исполненїю его облегчить способы и прїискать узду къ управленїю нашего воображенїя; Но Конь сей оченъ ретивъ, и ни что ни когда его не сократитъ.

15.

Не учтиво о себѣ хорошее разсказывать . . .

Своевольной стыдъ себѣ дѣлаетъ, кто о томъ старается. Ни одинъ

 чело-

Во истинну она рѣдко дозволяетъ веселости, и показываетъ всегда неудобности въ томъ, чего желаютъ; Картина сїя не увеселительна: Разумъ токмо меня усиливаетъ, что я соглашаюся ее слушать.

Надѣжду или упованїе, которою столько людей живутъ, я еще меньшимъ другомъ себѣ щитаю; По столькихъ отъ нея мнѣ проводахъ, не чаю чтобъ я больше на нее стала полагаться; Признаваю, что она великую дѣлаетъ помощь въ страхахъ предусматриваемаго нами нещастїя: Сладкая то мечта, которая стоитъ збытїя для другихъ, но для меня она ни къ чему и ни какъ не годится. Когда нахожуся я въ случае опасатся какого либо нещастїя, желаю, чтобъ оно приходило поскорѣе, дабы не мучится долго боязнями; Я ни когда не полагаюся на непостоянную фортуну, которая обыкновенно вертится довольно быстро, а оста-

останавливается какъ скоро въ словѣ устоять надобно въ обѣщанномъ отъ нее мнѣ злѣ.

17.

Много тщеславія во всемъ, что ни дѣлаютъ, и тѣмъ дѣйствительно сами себя обманываютъ . . . .

Во обще больше трудятся о казистомъ и блистательномъ, нежели о учиненіи себя щастливымъ. Однако великое то есть безуміе! Жизнь человѣческая толь кратка, и толь скоро по смерти человѣка забываютъ, что больше должнобъ уважать покой и тишину, нежели пышность и наружность; Великая та знатность, о которой столько проискиваютъ, меньше потребна какъ внутренность дома сладкая и любезная. Чтобъ ни говорили, но сіяніе великія славы не избавляетъ насъ отъ множества до-

человѣкъ по словамъ вашимъ въ томъ вамъ не повѣритъ, а только станутъ васъ презирать, какъ такого, которой желаетъ и дерзаетъ проводить родъ человѣческой: Воображаютъ себѣ, что вы вселенную всю за обманутую вами ставите; А тѣмъ прямо въ лицо нападаете на самолюбїе, что всего опаснѣе; Ибо мы не имѣемъ злѣйшаго врага какъ самолюбїе другихъ, взаимножъ тому и наше самолюбїе имъ также ни въ чемъ не прощаетъ. Вотъ источникъ почти всѣхъ ненавистей, которыми смущается порядокъ въ обществѣ. Не воображаютъ себѣ того въ подробности, для того, что часто бываетъ стыдно признаватся въ подлинныхъ причинахъ своей злобы, а недостатку нѣтъ въ другихъ предлогахъ, когда они понадобятся; Пачежъ всего жалуются на дружбу, которая, говорятъ, обижена нѣкоторыми обстоятельствами. Но все не то, пусть только себя разсмотрятъ, сами увидятъ, что друж-

ба многїе проступки легкобъ пропустила, ежелибъ самолюбїе при томъ уязвлено не было; Сердце рождается дитя доброе, оно больше прощаетъ, нежели объ немъ думаютъ; Но еще сказать надобно, что самолюбїе ни въ чемъ ни когда не прощаетъ.

16.

Мудрость есть тотъ истинной духъ, которой нѣкогда даетъ намъ читать будущее ....

Не спорю тому; Ежели бъ мы хотѣли ее слушать по больше и важить ея резоны, не вдавалисябъ мы во многїя разныя дѣла, въ которыхъ непрїятности подлинны, а успѣхъ бываетъ случайно; Да тажъ мудрость толь сумрачна, толь часто противна нашимъ склонностямъ, что сїе побуждало бы ее пренебрегать, ежелибъ можно было на то дерзнуть:

садЪ, которыя возвратяся домой находимЪ, и которыя величайшие философы сЪ меньшимЪ терпѣнiемЪ сносили, нежели самыя важныя свои нещастiя: ВЪ великихЪ бѣдахЪ храбрость оказываютЪ по тщеславiю; НаходятЪ отраду вЪ томЪ, что народЪ имѣетЪ доброе мнѣнiе о ихЪ твердости; Но какЪ домашнее терпѣнiе не приноситЪ великiя славы, для того и сносятЪ его безЪ жалобы, а на конецЪ тѣмЪ сокрушаются.

ВотЪ чего не хотятЪ предупреждатьприженитьбахЪ. СпрашиваютЪ, богатЪ ли онЪ? Богаталь она? Доброй ли фамилiи? ИмѣетЪ ли кредитЪ? ВотЪ и все тутЪ; А нравЪ, обычай, вкусЪ? Все то ничего не значитЪ: я буду имѣть великой домЪ, вЪ которомЪ увидятЪ немалые чины вЪ моей родословной, на которые возведетЪ насЪ кредитЪ; вотЪ что надобно. ЧтожЪ касается до достоинства внутренняго, называемаго *добродѣте-*

ли общежительныя, все сіе истинно за ни что щитается, да оно того только и стоитъ. Дѣти наши сказывать будутъ, что Отецъ или Мать ихъ нажили великое богатство, или вступили въ знатное свойство; Но не уводятъ они и искать не станутъ въ ихъ родословной, хорошо ли и веселоль предки ихъ между собою жили; Женются всегда для потомковъ; и такъ надобно то уважать, что они въ виду имѣть будутъ, когда насъ уже не будетъ. Ахъ! Прекрасное разсужденіе, какъ оно твердо, основательно! Въ самомъ дѣлѣ, не подлость ли то, чтобъ желать быть самому щастливымъ, весма лучше щастливу быть въ мысляхъ третьяго поколенія. А я груба, какъ праотцы Патріархи до потопа бывшіе; Мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что должно искать только достоинства и что всѣ бракосочетанія добры, когда они не безчестны.

18.

Время проходитъ скоро, когда стра-
шатся; а тихо, когда имѣютъ
надѣжду . . . . .

Сожалѣтельно, что не можна прод-
лить его на столько какъ желается,
или жить по его волѣ; Но она те-
четъ всегда такою равностiю, кото-
рая насъ увлекаетъ и доводитъ до
конца равно какъ бѣдныя жизни, такъ
и преисполненныя славы и веселiя; Сiе
опечаливаетъ тѣхъ, которые провож-
даютъ дни свои въ сѣтованiи. Дни
ужасные! Часы невозвратные! Вы ни-
когда уже назадъ не возвратитеся.
Безъ религiи мысли такiя приводи-
либъ въ отчаянiе; Вотъ что уве-
личиваетъ удивленiе мое, что столь-
ко объ ней не брегутъ, о религiи той:
имѣетъ она свои жестокости; Но
онажъ великое подаетъ упованiе не-
щастливымъ; А какъ ими населены
три четверти съ половиною вселен-
ныя

ныя, по тому кажется, должнобы ей лучше содержатся и больше разпложаться.

19.

Мудрость, которая всегда во всемъ хороша при благополучіи, но немного она помоществуетъ въ нещастіи, или лучше сказать въ последнемъ семъ состояніи не скоро съ нею встречаются: Я темъ разумею, что надобно вооружится постояннымъ терпеніемъ противъ всего того что насъ опечаливаетъ; А ежели можно и великимъ презреніемъ того, чего не имеемъ; Но много надобно разныхъ добродетелей въ составъ того, что называется мудрость, къ честному благополучія употребленію. Ахъ! Какъ легко ни чего нежелать, когда къ полученію всего имеютъ способы, и какъ трудно хранить умеренность среди всехъ благополучій, которыми фортуна осыпаетъ!

20.

Отнюдь не хотѣлабъ я, чтобъ видѣли какъ я сержуся . . . .

Ни чего нѣтъ посмѣятелнѣе, какъ огорченіе или сердце безсильное, а надобно паче всего избѣгать посмѣянія: и для того должно огорченіе скрывать въ себѣ, сколько возможно. Признайся что не въ нашей волѣ со всемъ утѣшить жаръ, когда видимъ себя жертвою нѣкотораго плутовства или мошенничества; Но весьма нужно его оставить внутрь себя, когда мстить не намѣрены.

Къ примѣчанію еще остается, что по не удачѣ въ отмщеніи, предаютъ себя на посмѣяніе непрестанное; И такъ недолжно предпринимать, какъ только то, что исполнить можно.

21.

Спрашивали у меня: что есть скука? . . . . . .

Она, чаю, есть праздность сердца, утомленность духа, изнеможеніе души; Однимъ словомъ, недовольство во всей внутренности, которое пріобщается къ чувствамъ и наноситъ имъ общее ко всему омерзеніе, такъ, что все на равнѣ несносно имъ кажется: Вотъ какое хорошенькое состояніе!

22.

Говорили мнѣ что голова моя походитъ на страну мыслей . . . .

Нѣтъ не страна она мыслей, а мысли мои чрезъ нее только проѣзжаютъ; Они туда по множествѣ непрестанно и стремительно приходятъ, какъ теченіе и разлитіе рѣки вели-

кія,

кїя, которую удерживать ни что не можетъ, и которая всегда разоряетъ тѣ мѣста, гдѣ протекаетъ.

23.

Великое равенство во нравѣ не дѣлаетъ того, что насъ полюбляютъ тѣ, которые въ первые насъ видятъ мимоходомъ....

Ничего нѣтъ истиннѣе; А чтобъ видѣть прїятность того, надобно жить съ кемъ нибудь вмѣстѣ. Во всемъ и всегда равный нравъ остроты не показываетъ; Онъ твердъ, но неблистателенъ; А въ собранїяхъ, въ которыя ходятъ забавлятся, любятъ больше блистательное, нежели твердое; По тому легкомысленные тамъ чудеса дѣлаютъ, но за то они прямыхъ друзей меньше имѣютъ, или и со всемъ ни одного; На противъ того другїе

другіе дѣйствительныя пользы получаютъ; Они сотворены такъ, чтобъ самимъ чувствовать и другимъ давать опыты, всѣхъ сладостей дружбы. Отъ нихъ ни какого своенравія не претерпишъ; Ни какой перемѣны не опасайся; Всегда тихи, добры, снизходительны во всемъ, что не язвитъ существительно сердца. Нравъ сей конечно предпочтителнѣе тому, которой въ первую минуту всѣ голоса къ себѣ привлекаетъ; А между тѣмъ надобно великаго быть разума, чтобъ пристать къ числу людей твердыхъ. Подлинно покажутся они меньшей цѣны, для того, что немногіе знаютъ, чего они стоютъ. Другіе жъ всегда надѣжны понравится большему числу, для того, что большее число судитъ по поверхности и ни во что не углубляется.

24.

Благополучіе не состоитъ въ исполненіи всѣхъ желаній нашихъ, но

въ

въ дѣйствительномъ и совершенномъ всего отверженіи; Такъ что тотъ человѣкъ, которой ничего не боялся бъ ничего нежелалъ бы, на все смотрѣлъ бы самымъ равнодушнымъ окомъ, былъ бы точно на степени того блаженства, котораго всѣ ищутъ и ни кто не находитъ. Но, закричатъ мнѣ, такое существо, ежелибъ бытіе онаго почесть за возможное, былобъ только Автоматъ, а больше ни чего: Какоежъ блаженство ни чего не чувствовать, ни чего не желать и ни чего не отвергать? Я на то отвѣтствую: Да какоежъ благополучіе и въ томъ, чтобъ всегда боятся, или всегда желать? Боятся зла вообразительнаго, тожъ есть какъ и дѣйствительно мучится. Когда зло уже подлинно, и потомъ оно приходитъ, не страдательноль его чувствовать? Зло то по своемъ прошествіи оставляетъ страшныя впечатлѣнія, не прибавляя къ тому другаго въ отдаленіи возможнаго зла, дающаго намъ еще нѣсколько сроку, упра-

упражняя однако всегда бѣдное наше предусмотрѣнїе. Согласятся, ежели изволятъ, что съ сей стороны ни какого выигрышу нѣтъ для благополучїя; Посмотримъ же, найдемъ ли мы больше прибыли съ стороны желанїй? Чаю очень мало. Пропустимъ всѣ печали бываемыя намъ отъ вѣроломной надѣжды толь обманывающейся: Поставимъ человѣка, которой по многихъ старанїяхъ, трудахъ и безпокойствахъ, достизаетъ на конецъ до мѣты, которую онъ имѣлъ въ виду, чтожъ съ нимъ случается? То, что и въ томъ, чего онъ столько желалъ, находятся обстоятельства примѣшивающїя огорченїя не предусмотренныя; Не видитъ уже онъ тѣхъ прїятностей, каковы до того видѣлъ; Въ скользь только на то посматриваетъ, а останавливается больше на неудобствахъ, на которыя сперва и взглянуть неудостоивалъ; Ежелижъ онъ совершенно во всемъ доволенъ; Какой страхъ, чтобъ не отняли, не разор-

разорили и не отлучили отъ того, къ чему онъ привязанъ! буде же и сіе все еще не довольно переваживаетъ его благополучіе, можно сто противъ одного на закладъ положить, что оно ему наскучитъ и станетъ для него гадко, и не долгое время онъ тѣмъ будетъ наслаждатся. И такъ, когда скука, страхъ, безпокойства, печали, обыкновенные суть товарищи или слѣдствія нашимъ пользамъ, по видимому наибольше желаемымъ; къ чемужъ служатъ намъ тѣ пользы? Для того, что всегда за нихъ платятъ больше чего они стоятъ. И такъ надобно прибѣгнуть къ томужъ во всемъ отверженію; Конечно оно всего лучше: не должно говорить, что оно не возможно, ибо Богъ то повелѣваетъ, а Богъ ни чего не повелѣваетъ съ выше силъ нашихъ; Заповѣдуяжъ намъ сіе, не запрещаетъ онъ всѣхъ предмѣтовъ, которыми моглобъ упражнятся наше сердце: онъ самъ себя отдаетъ въ предмѣтъ, къ которому

все

все безъ изъятія относить мы долженствуемъ. Разсуждая о семъ только вѣры нашея членѣ, глазами философическими, находится въ немъ врачеванїе отъ всѣхъ души нашея болѣзней; Я то доказала. Для чего жъ толь трудно любить и исполнять сію религію?

25.

Женщины истинно очень глупы, когда они столько трудятся увѣрять мущинъ, что они ихъ любятъ . . . . .

Въ самомъ дѣлѣ мущины очень склонны тому вѣрить, когда и ничего такого нѣтъ; Да часто тщетныя прилагаются старанїя, чтобъ ихъ изъ тѣхъ мыслей вывести: Мнѣнїе ихъ о своемъ достоинствѣ, отъ большей части, заставляетъ ихъ принимать учтивости, за знакъ любви. Я знаю такихъ, которые еще больше того дѣлаютъ; Они приписываютъ опасности или стыдливости,

 все-

все, чего у женщинъ и на умѣ нѣтъ имъ говорить, однако не меньше тѣмъ они внутренно увѣрены, что женщины ихъ обожаютъ, или по меньшей мѣрѣ не могутъ на нихъ наглядѣтся.

26.

Желаютъ имѣть много ума, да польза отъ того въ самомъ дѣлѣ не такова какъ себѣ воображаютъ. Умъ посредственной, съ довольными талантами, есть тотъ самой, которой лучше можетъ доставить все то благополучїе, какого должно уповать на семъ свѣтѣ; Человѣкъ съ такимъ умомъ полагаетъ себѣ предѣлы, и почти самъ собою доволенъ для того, что онъ доволенъ же и тѣмъ, чего онъ стоитъ; и почти на умъ ему не приходитъ завидовать тому, что лучше его стоитъ; да онъ того и не разбираетъ; а умъ великїй часто жертвою бываетъ пространству своихъ просвѣщенїй; Онъ всегда недостатокъ въ нихъ находитъ; Онъ желалъ

лалъ бы вдругъ имѣть всѣ науки и всѣ способы къ отличенію себя; Онъ хотѣлъ бы, чтобъ ни чего не было выше его во вселенной. На конецъ онъ всегда не доволенъ и собою и другими, по той причинѣ, что онъ требуетъ великаго во всемъ совершенства. Я часто слыхала отъ умныхъ людей, что они не хотѣлибъ быть глупцами; Яжъ покушалась имъ отвѣтствовать: Вы не правы. Глупецъ, которой самъ собою доволенъ, есть существо прещастливое; да гдѣ жъ и найдешъ глупцовъ, которые сами собою не довольны?

27.

Печали усмиряющія больше всѣхъ другихъ, онѣ чаю однѣ, которымъ не находится утѣшенія....

Подлинно смиреніе, само по себѣ паче всего сокрушительно; когдажъ достигаютъ до того, чтобъ его полюбить, тогда можно о себѣ повѣрить, что взошли на самый верхъ

рые предпочитая себя всѣмъ людямъ, находятъ секретъ какъ приводить себя въ ненависть и въ непочитанïе вообще у всѣхъ. Когда они еще находятся подъ опекою благополучïя, не безопасно было бы нападать на нихъ въ то время; въ благополучïи всѣ бываютъ и сильны и крѣпки; но подождемъ пока провидѣнïе дастъ имъ ударъ свой; тогда изнанка окажется и увидятъ наруже всю злобу и презрѣнïе, которыя они сами на себя навлекли, каждой уже похочетъ ихъ сажать въ воду, и по великому только щастïю они не утопаютъ; а сожалѣютъ объ нихъ тѣмъ меньше, что человѣку въ благополучïи весьма не трудно привлекать къ себѣ сердца; надобно только самому того пожелать; и хотя ему во что нибудь станетъ себя приневолить, чтобъ во зло не употреблять своего благополучïя, по истиннѣ и то ему на щетъ поставятъ безобидно; ежелибъ онъ похотѣлъ все выкладывать, нащелъ бы себѣ плоды во сто

мѣръ

мѣрѣ угобзившіеся; но люди хотятъ замѣшаны быть на порокахъ, да еще съ тѣмъ, чтобъ и тогда ихъ не меньше любили, пока благополучіе ихъ поддерживаетъ: одинмъ словомъ, ежели они до своего величія не запаслися добрымъ пріемомъ мудрости, ничто ихъ не переважитъ и голова у нихъ тотчасъ закрутится. Я всегда остаюся въ томъ мнѣніи, что нещастіе сноситъ весьма легче съ достоинствомъ: терпѣніе занимаетъ его мѣсто; Почти нѣтъ такой головы, которая въ себя не вмѣщала бы потребной изъ него мѣры, а когда терпѣнія не достанетъ, надѣжда подбѣгаетъ на помощь. Вотъ сего уже очень довольно къ придачѣ великія храбрости.

29.

По вседневно возсылаютъ многое множество молитвъ къ небу, а надлежалобъ объ одномъ только искренно молиться и быть услышану; состоялабъ та молитва въ избавленіи себя

совершенства (Христіанскаго) ибо философія сего пути дѣтямъ своимъ никогда не назначивала; она предписываетъ терпѣніе, совѣтуя презирать все: а презрѣніе такое есть гордость, подъ другимъ только имянемъ. Презираютъ все для того, что мнятъ себя быть выше всего. Такого рода тщеславіе, можетъ быть посмѣятельнѣе всего на свѣтѣ; Однако противорѣчить не льзя тѣмъ, которые помѣщаютъ его въ свои головы, что въ нѣкоторомъ степени не были оныи щасливѣйшие паче всѣхъ человѣкъ. Что имъ нужды, какое противъ ихъ могутъ принять мнѣніе, когда вѣрятъ они имѣть въ себѣ дѣйствительную поверхность возносящую ихъ выше всѣхъ прочихъ? Все рѣшитъ вообраҗеніе; но потребно ему употребить великія силы, къ одоленію того, что усмирять его можетъ.

28.

Въ самой высокой чести должно наблюдать умѣренность или кротость

толь исправно, чтобъ другимъ не давать чувствовать ихъ подчиненность; однако не надобно притомъ являть, что мы ставимъ за ничто тѣ милости, которыми фортуна насъ осыпаетъ; А должно токмо нѣсколько показывать, что мы себя не мнимъ быть достоиннѣе многихъ людей, которымъ она въ томъ отказываетъ. Сіе находящимся въ такомъ случаѣ подаетъ надѣжду и облегченіе; Сія жъ предосторожность можетъ потребна быть и на будущее время. Возможноль надѣжно полагатся на какое ни былобъ благополучіе въ семъ свѣтѣ? На чемъ оно держится? Непредвидимыя произшествія не опровергаютъ ли по вся дни то, что мнятъ за наилучше утвержденное и основанное? Сіе благоразумное разсужденіе должно весьма скоро насъ обратить къ тихости, къ человѣколюбію, къ состраданію: словомъ, привесть въ нѣкоторое равновѣсіе тѣхъ, коихъ преглупая гордость отъ нихъ удаляетъ, и кото-

отъ всѣхъ страстей; Не взирая на подобіе глупости привязанной къ такому состоянію, я держуся при томъ, что лучше того желать не можно. Не имѣть ни какого желанія превозходить пользу всѣхъ богатствъ и имѣній; они каковы ни случаются, не безъ труда, однако ихъ достаютъ; Не безъ страха ими владѣютъ, не безъ печали ихъ теряютъ; и такъ неуваженіе только всего избавляетъ насъ отъ всѣхъ тѣхъ бѣдъ, для чегожъ презирать такое неуваженіе? Давно уже я то твержу, тому вѣрю, и на то надѣжна: мы нещастливыми себя почитаемъ только для того, что не правильно мыслимъ, и для того, что ищемъ благополучія тамъ, гдѣ его нѣтъ.

30.

Ненависть и мщеніе, двѣ сіи страсти принадлежатъ душамъ подлымъ и сердцамъ злымъ; Не должно дивится, что такихъ много находится; Ибо противныя тому добродѣтели

такъ высоки и велики, что нельзя ихъ сыскать въ простомъ народѣ.

31.

Любовь безконечная почитается въ числѣ величайшихъ бѣдъ жизни нашей . . . . .

Однако зло сïе довольно плодовито, да оножъ изъ числа тѣхъ, къ поправленïю, которыхъ на и меньше надѣжды остается, и которое съ великимъ попеченïемъ сносить должно безъ жалобы, ежели не хотятъ къ тому прибавить и той еще непрïятности, чтобъ отдать себя на посмѣянie; вотъ чему однако, всѣ въ такомъ случаѣ бывающie, не могутъ вѣрить; они чаютъ, что ихъ жалобы на конецъ тронутъ предмѣтъ ихъ любви, или попреками достигнутъ до желаемаго. Но все то ни что; выходитъ изъ того только, что станутъ отъ нихъ бѣгать и ихъ возненавидятъ: вотъ что они на себя навлекаютъ. Надобно можетъ быть жаловатся иногда

за

за невѣрность не чаемую; но по какому праву досадуютъ за то, что ихъ не любятъ? Не по всядневноль случается, что которая не отдаетъ тебѣ своего сердца, та отдаетъ его, противъ воли своей, другому? Въ томъ столь же маловольны, какъ быть здоровому или больну: и такъ не должно пѣнять на людей, когда не оказываютъ они взаимности желаемыя; надѣжное тому лѣкарство, со всѣмъ отъ того отстать. Но какъ не могутъ иногда дѣлать все, что хотятъ и почитаютъ за не во зможно разорвать ту связь, должно по меньшей мѣрѣ принудить себя къ молчанію и не показывать сильной своей склонности, какъ услугами, каковы всегда съ радостію дѣлаютъ тому, кто намъ милъ и дорогъ. Сіе только одно утѣшеніе себѣ дозволить можно; а попреки и жалобы должны мы себѣ запретить какъ вино страждущимъ лихорадкою. Все сіе приличествуетъ больше женщинамъ; не навистное для нихъ дѣло

до бѣгать за тѣмъ, кто отъ нихъ уходитъ; мущины въ такомъ случаѣ не столь можетъ быть смѣшны, однако и они не меньше скучны и досадны.

32.

Удивляются, какъ могу я въ голову свою вмѣщать и бездѣлицы и важности . . . . .

Въ самомъ дѣлѣ не могу сказать, чтобъ я не съ веселїемъ читала романы или сказки. Чтенїе сїе меня привлекаетъ и забавляетъ равно какъ и другое. Но безъ труда я его покидаю для разговоровъ о физикѣ, и для изслѣдованїя по Богословїи . . . . . Чтенїя самыя глубокїя такъ же мнѣ нравятся; Самыя тончайшїя ни когда мнѣ не скучаютъ: а самыя для меня любезныя, Исторїя и нравоученїе. Люблю я примѣры, которые могутъ наставлять и поправлять; Не меньше того люблю разсужденїя обращающїяся въ пользу ума и сердца; А для того и не дивлюся, что я такимъ книгамъ

гамъ даю предпочтенїе; Но оно не отнимаетъ охоты читать и другїя всякїя. Многїя надобно мнѣ у себя довольствовать прихоти, изъ которыхъ первая есть любопытство: вотъ что иногда привязываетъ меня къ вещамъ и выше моего понятїя; А когда читаю я бездѣлицы, въ томъ ищу себѣ нѣсколько забавленїя. Все для меня хорошо, все ко мнѣ пристало, кромѣ книгъ сквернословныхъ. О! что до сихъ, онѣ мнѣ мерзки и ненавистны.

33.

Надобно благоразумїе, надобна кротость или умѣренность . . . . .

Вотъ двѣ вещи, безъ которыхъ обойтится ни когда не можно, и которыя (не говорю я только потребны) но не обходимо нужны во всякомъ мѣстѣ, во всякихъ лѣтахъ, во всякомъ состоянїи. Сїе разсужденїе завело бы далеко, ежелибъ похотѣли вступить въ подробность; Но подро-

подробность та не надобна, ибо нѣтъ въ жизни такихъ обстоятельствъ, при которыхъ не употреблялисябъ сіи двѣ вещи; И сіе только можетъ быть одно правило, въ которомъ нѣтъ изъятія.

34.

Притворные виды ни къ чему не служатъ другому, какъ къ осмѣянію тѣхъ, кто ихъ присвоиваетъ . . . . .

Одинъ только есть видъ, которой надлежалобъ принимать и держатся его непремѣнно, то есть: Видъ природный. Разумѣю тѣмъ тотъ самой, которой держитъ насъ точно въ своемъ мѣстѣ; А все что насъ подымаетъ или опускаетъ выше или ниже того, какъ мы должны былибъ находится, служитъ только къ доставленію намъ презрѣнія.

35.

Часто бываетъ, что жалуются на пріятелей для того, что хотѣлибъ ихъ находить такими, какими

они

они быть не могутъ, да и не должны; Непристойно отъ нихъ требовать вещей трудныхъ, или не очень честныхъ. Скажутъ мнѣ, что дружба ни въ чемъ отрицаться не должна; Я тому не спорю; Но есть такія вещи, которыхъ ни когда просить у ней не должно. На примѣръ вы почтете себѣ не другомъ такого человѣка, которой по желаніямъ вашимъ не хочетъ вступить въ хлопотливое дѣло, могущее причинить ему великое предосужденіе; Но можетель вы назваться ему другомъ, когда хотите его въ такое дѣло завести, не уваживъ всѣхъ для него опасностей, а единственно для того только, что изъ того выдетъ ваша польза? Нѣтъ: въ такомъ случаѣ не онъ, но вы не знаете, что есть дружба; Какъ скоро уважаютъ только себя самого, тогда уже не разумѣютъ дружбы, да и имѣть ее недостойны. Прекрасно и препохвально на все отваживаться за то, что любятъ; Но когда то и дѣ-

лаютъ, можетъ однако быть не справедливо того требовать, хотя всегда должно надѣятся, что другъ его поступить на то не отречется; однако не должно въ томъ ему дѣлать закона, и когда дѣлаетъ онъ для насъ, чего мы ожидать право имѣемъ, должны мы то принимать какъ сомопроизвольное благодѣяніе. Нѣжность мыслей питаетъ дружбу.

36.

Читала я съ удовольствіемъ книгу разумъ законовъ; Казалося мнѣ однако, что не все справедливо въ ней разсуждается.

Помню, что читала я тамъ для меня весьма удивительное: А было то чаю во второй главѣ, книги первыя.

„ Законъ впечатлѣвающій въ насъ „ Умоначертаніе о Создателѣ или Творцѣ, возводящій насъ къ нему, есть „ первый по важности своей; Но не „ по порядку законовъ естественныхъ . . . . . Сіе

Сїе праведно ли? Положимъ одного человѣка созданнаго какъ Адама вдругъ совершеннолѣтняго; Не началъ либъ онъ говорить естественно, какъ Милтонъ его говорить заставляетъ: Кто я? Гдѣ я? Отъ куда я пришелъ? Удивился бы онъ своему бытїю; И такъ въ началѣ былъ бы онъ упражненъ размышленїемъ о своемъ существѣ; А по порядку естественному кажется мнѣ, что умоначертанїе о бытии его должно возводить его до даровавшаго ему оное; Понимаетъ онъ, что не самъ себя создалъ, по тому что онъ не вѣдаетъ, а желаетъ знать кѣмъ, какъ, и на что онъ существуетъ. До сего не знаетъ онъ, надобноль ему что дѣлать для сохраненїя бытїя своего: Умоначертанїе о томъ не можетъ въ немъ явится, какъ уже нужды себя чувствовать заставятъ; и почувствуетъ онъ бытїе свое за долго до того, какъ потребно хранить его: Не можноль изъ того заключить, что умоначертанїе возводящее его до Создателя своего, преж-

прежде всего вступитЪ вЪ разумЪ его, и такимЪ образомЪ найдется первымЪ, по порядкку законовЪ естественныхЪ? ТѣмЪ больше, что весьма просто и весьма сродно ожидать своего сохраненія отЪ того, кому одолжены мы за бытіе свое; слѣдовательно требуетЪ онЪ, и достоинЪ онЪ первыхЪ нашихЪ мыслей.

ВЪ книгѣ II, главѣ первой, АвторЪ говоритЪ: „ Бѣда для республи„ки, когда уже нѣтЪ вЪ ней заго„воровЪ и происковЪ; Всегда слу„чается то, когда весь народЪ день„гами подкупленЪ.

Но что сказать онЪ хочетЪ? Не самой ли то поискЪ, да еще и надѣлнѣйшій, когда употребляются деньги? И такЪ мнила бы я больше, что вЪ томЪ и состоитЪ все нещастіе, когда тотЪ заговорЪ соединяетЪ всѣ голосы деньгами; ибо тогда народЪ уже не печется о дѣлахЪ какЪ по жадности кЪ сребролюбію. ОнЪ себя продаетЪ тому, кто больше даетЪ, и

часто для того такому, которой на именьше того достоинъ. Но не надобно вѣрить, чтобъ сіе отнимало у него заботу правительства. Во преки тому жадность разпаляетъ его больше, нежели множество домогательствъ.

Въ слѣдующей главѣ говоритъ онъ съ похвалою о статскихъ въ Венеціи Инквизиторахъ. Трудно для меня мыслить, чтобъ могло выходить нѣчто дѣйствительно полезное изъ такого рода Трибунала; Когда онъ учрежденъ для наказанія, только одного подозрѣнія въ преступленіяхъ; Должно ему быть источникомъ всякихъ неправосудій, обидъ и нападковъ. Сколько бываетъ подозрѣній не основательныхъ? Да и всѣ подозрѣнія не значатъ ли самую неосновательность? Для того, что они не могутъ родится какъ отъ оказательства или чаянія, толь часто обманчиваго, которому слѣдовательно должно всегда не довѣрять.

Авторъ

АвторЪ сей доказываетЪ еще, что добродѣтель потребна только вЪ правительствѣ республическомЪ, а вЪ Монархическом Ъ она не надобна; ТамЪ честь мѣсто ея занимаетЪ; А еще того меньше она надобна вЪ Деспотическом Ъ; ТамЪ все дѣлаетЪ страхЪ; Да еще вЪ двухЪ сихЪ послѣднихЪ мало нужды и вЪ праводушіи . . . . Книга III. Глава 3. по томЪ вЪ главѣ 5. изъясняетЪ онЪ все то вЪ краткомЪ примѣчаніи, и говоритЪ: не инако онЪ разумѣетЪ подЪ словомЪ добродѣтель, какЪ добродѣтель политическую, которая есть добродѣтель нравственная, вЪ томЪ разумѣ, что она всегда себя направляетЪ ко благу общему. Довольноль ясно сіе? А сверхЪ того праводушіе, политическая ль только добродѣтель?

Я нахожу, что вЪ книгѣ сей все толковано по правиламЪ физическимЪ: Существо превѣчное, Создатель, ни кЪ чему вЪ ней не пристаетЪ; Все изрядно, все зло, все равно, для того,

го, что все то въ вещахъ самихъ существуетъ. Климатъ дѣйствуетъ надъ умами народовъ. (я ни чего о томъ теперь не говорю, опровергнувъ то здѣсь выше) Но даютъ разумѣть, что тотъ же климатъ равномѣрно рѣшитъ и разность религіи, и всякая религія сама по себѣ подъ разными климатами признавается за вещь благопристойную.

„Соглашается онъ, (слова его) „чтобъ была какая книга священная, „правиломъ служащая, какъ Алкоранъ „у Аравлянъ; Книги Зороастровы у „Персовъ, Ведамъ у Індійцовъ; Книги Классическія у Китайцовъ; (жаль что не прибавилъ онъ и Евангелія у Христіянъ; Былобъ уже все исполнено; Но онъ оставляетъ то „на догатку:) Собраніе законовъ ду„ховныхъ служитъ вмѣсто законовъ „Гражданскихъ и утверждаетъ са„мовластіе.

Съ такими началами можно далеко итти по пути Аѳеисмы, и рождаю-

дающіяся изъ того заключенія уже удивлять не должны. Но сіе не мѣшаетъ, что въ книгѣ той находятся вещи предивныя и разума самаго высокаго.

37.

Дни кажутся намъ долги, когда они не веселы; Однако какъ они долги ни былибъ, все то ни что въ сравненіи съ нашею жизнію; А жизнь сама есть только единая точка въ вѣчности. Чтожъ значатъ дни тѣ, которые съ толикимъ трудомъ мы провождаемъ, и во что ни будь ихъ ставимъ?

38.

Умъ, какъ сіяніе солнечное однихъ онъ освѣщаетъ, а другихъ ослѣпляетъ, на нѣкоторыхъ же низпущаетъ лучи преломленія ихъ украшающіе. Большая часть вельможъ въ такомъ случаѣ находятся; Они часто своего ума не имѣютъ; Но умъ всѣхъ людей ихъ окружающихъ дѣлаетъ

тому добавокЪ, и производитЪ вЪ нихЪ вкусЪ и разборЪ нѣжной, которой для нихЪ нужнѣе ума, и которой придаетЪ видЪ высокоумный. КЪ томужЪ почти всѣ склонны вѣрить, что они умны. Люди такїе почти всегда платятЪ золотою монетою Мнѣнїе украшаетЪ все, что отЪ нихЪ ни приходитЪ.

39.

Многїя были вЪ умѢ моемЪ мечты смутныя . . . .

Говорю я мечты, ибо говоря по самой истиннѣ, всѣ печали и бѣды наши, какЪ бы дѣйствитольны по видимому ни были, имѣютЪ однако источникЪ свой вЪ томЪ, какЪ мы на всѣ вещи взираемЪ. И такЪ мы не столько трудится должны о нашемЪ жребїи, котораго отмѣнить почти не можемЪ; А больше трудится намЪ надобно о нашихЪ склонностяхЪ, о нашихЪ мысляхЪ, о нашемЪ воображенїи; О Небо! Какая работа!

40.

Очень былобъ мнѣ стыдно, ежелибъ когда ни будь имѣла я нужду въ прощеніи мнѣ столькожъ, сколько принуждена я другимъ прощать .....

Можетъ статься, что я, (ежели состарѣюся,) буду имѣть всѣ тѣ несовершенства, которыя въ другихъ осуждаю: Но твердо сама себѣ обѣщаю, что не буду я, бранчлива, здорна, помѣшательна въ веселостяхъ находящихся около меня людей, не ворчлива, ни злословна, ни спорлива; Скажу еще, ежели буду я богомольна, а статься то можетъ, въ томъ случаѣ, богомольна я хочу быть только для себя самой; вся моя проповѣдь не будетъ состоять какъ въ моемъ примѣрѣ, ни чего охуждать я не буду, ни о чемъ спорить я не стану: Однимъ словомъ всякъ живетъ для себя и довольно ему дѣла управлять самимъ собою, не мѣшаяся въ постороннее:

Конечножъ совѣтовъ подавать не буду, пока ихъ не попросятъ. Старость сама собою столь непрїятна, что всей своей тихости и всевозможнаго терпѣнія, она ни когда довольно имѣть не можетъ.

41.

Больше нужды имѣютъ въ философіи, нежели въ богатствѣ . . . .

Какъ и въ самомъ дѣлѣ тысяща приключеній могутъ богатство у насъ отнимать, а философія отъ насъ всегда зависитъ; имѣніе то твердое, котораго ни что отъ насъ оторвать не можетъ. Есть однако нѣчто, чемъ она, философія та, нѣсколько честь свою вредитъ, а имянно: съ трудомъ и не скоро обучаетъ она, не искать себѣ того, чего желаемъ; да она жъ мало умѣетъ показывать хорошее употребленіе изобилія, для того, что сіе рѣдко съ нею вмѣстѣ живетъ, и будто она служитъ токмо надписью нещастливыхъ. Я уже сказывала и еще, при

при томъ же стою, что не довольно и всѣй возможною мудрости къ доброму употребленію благополучія.

42.

Недостатокъ праводушія въ людяхъ и во всѣхъ ихъ дѣлахъ, заставляетъ меня презирать ихъ, а отъ того возрастаетъ мое самолюбіе; но чувствованіе сіе не дѣлаетъ меня щастливою; далеко отъ того: ибо со всемъ бы выгнало меня то изъ общества, ежелибъ нѣкоторое число друзей еще меня не удерживало. И такъ дружба хочетъ, что среди добрыхъ и злыхъ она обращалася какъ разумные люди то дѣлаютъ; но по истиннѣ не легко мнѣ то становится, и не побожуся я, чтобъ такъ до конца дожить. Я врожденную имѣю склонность къ совершенному уединенію, которую почитаю за болѣзнь не изцѣльную; Я утѣшаю ее временными леченіями, но боюся, чтобъ на конецъ она меня не унесла.

43.

Хотябъ прожилъ кто лѣтъ тысячу, однако, какъ умирать, ни мало не научился бы....

Правда и то, что произшествіе такое въ жизни нашей не бываетъ какъ однажды только, и къ помышленію о томъ не пріобыкаютъ: ежелибъ воспитана я была не въ христіанскомъ законѣ, а мнѣбъ стали объ ней проповѣдывать, повѣрилабъ я, что то выдумано для утѣшенія при часѣ смертномъ. Единственно религія дѣлаетъ ее сносною, а безъ того все показываетъ намъ въ ней ужасъ.

44.

Чины церковные, да женщины любятъ предсѣданія, и имъ то дозволяется.....

Они также любятъ и владычествовать, но въ томъ имъ спорятъ. Имѣютъ они противъ себя и силу и законы, такъ что на конецъ надобно имъ уже уступить, хотя

тя только по наружности; Но какъ тѣ, такъ и другіе, не меньше однако о томъ стараются, со всякимъ искуствомъ и проворствомъ, какое только примыслить могутъ; А сіе точно и показываетъ, что повелѣніе не имъ принадлежитъ. Когда отыскиваютъ своихъ правъ, говорятъ громко; Но когда захватываютъ права чужія, дѣйствуютъ скрытно, и все подземные пути хороши, лишъ бы только до того дойти.

45.

Не могу и не хочу я вѣрить, чтобъ любить со всемъ запрещено было, а только худое въ любви употребленіе запрещается. Самая живая нѣжность соединяющаяся съ великою во нравахъ чистотою, не должна бъ ни малѣйшаго задавать сумнительсшва или зазрѣнія. Вотъ мое мнѣніе, которое по большинству голосовъ конечно принято не былобъ, я про то вѣдаю; Но есть сердца въ любви нѣжныя, которыя присвоить сіе нравоученіе и

по

по немъ поступать могутъ: Такія могутъ находить въ однихъ только чувствованіяхъ своихъ, величайшее благополучіе, какое на семъ свѣтѣ имѣть можно; Но для тѣхъ, которымъ надобно нѣчто по больше радостнаго внутрь души разстворенія; О! Таковымъ подлинно должно себѣ все запретить и предупреждать зло изтребленіемъ самаго тому кореня.

46.

Непрестанно вопіютъ противъ вѣка нашего . . . .

Говорятъ: преужасное то дѣло, что деньги въ вѣкѣ нашемъ все дѣлаютъ; что природа и добродтель за и что почитаются, ежели богатство не придаетъ имъ сіянію, и что богатство одно само собою умѣетъ дѣлать себѣ поклонниковъ и почитателей, безъ помощи отъ достоинства идобродѣтели.

Вотъ какую изрядную новизну намъ разсказываютъ! За тысящу семь сотъ лѣтъ все таковожъ было какъ и нынѣ; Горацій не пишетъ ли того

го мѣстахъ во стѣ и больше? Я еще надѣжна, что искуство тому не нынѣ началося, онъ видѣлъ то своими глазами. Сверхъ же того, я объ закладъ ударилася бъ, что онъ тѣжъ жалобы находилъ у древнихъ Авторовъ Греческихъ. Посмотрите нравы Ѳеофрастовы: Они всѣ людей намъ знакомыхъ; А ежелибъ похотѣли почерпнуть изъ Гїероглифовъ древнихъ Египтянъ, усмотрѣли бы въ явственныхъ знакахъ, что человѣки первыхъ вѣковъ были не лучше нашего вѣка. Мы похожи на отцовъ нашихъ, а дѣти наши походить будутъ на насъ; таковъ есть жребїй человѣчества; Должны добрые люди сносить другихъ, вотъ самая первая добродѣтель.

47.

В . . . . Пишетъ, что онъ признаетъ за злоупотребленїе, когда власть даютъ въ мїрѣ отрѣкшимся отъ мїра . . . .

Можно бъ ему отвѣтствовать, люди тѣ только одинъ видъ къ тому

му показываютъ, и что они довольно знаютъ, какъ бытіе такое въ мірѣ весьма полезно. Подобно тѣмъ, которые отрицаются отъ наслѣдства, однако его къ рукамъ своимъ прибираютъ.

Ни кто больше къ міру не привязанъ, какъ тѣ, которые сказываютъ, что отъ него отстали; Въ нихъ видимо торжествуютъ честолюбіе, скупость и всѣ страсти человѣческія, наипачежъ двѣ первыя.

Что касается до самого В . . . . Онъ объ религіи говоритъ съ такою вольностію, что его къ ней презрѣніе повсюду вырывается. Въ новомъ семъ А . . . . Х . . . . . В . . . Находятъ слогъ изобильный, быстрый, важный; Обыкновенное у него о религіи разсужденіе мнѣ со всемъ не нравится, не для того, чтобъ онъ точно и явно говорилъ противъ религіи, но по тому, какимъ образомъ онъ объ ней упоминаетъ, и сколь мало по ви-

димому онъ ее уважаетъ. Кажется будто онъ на вѣскахъ привѣшиваетъ всѣ религіи; Да ни которая у него не переваживаетъ, и за выборъ изъ нихъ не дастъ онъ ни полушки.

48.

Старанїе показывать умъ свой, показываетъ глупость . . . .

Безъ сумнѣнія: Онъ такъ сталъ не въ диковинку, что за достойнѣе почитаю я его скрывать, нежели на показъ выставливать; Желательнѣе всего имѣть благонравіе природное; Но ни чемъ пріобрѣтать того неможно; Даръ то небесный, безцѣнный и весьма рѣдкій; Называется то духъ, которой искуствомъ и наукою употребляется въ дѣло, равно какъ и всякихъ родовъ умы.

49.

Г: Мидлетонъ написалъ житїе Цицероново на Аглинскомъ языкѣ . . . .

А Г: Прево перевелъ его на Французской. Оно конечно весьма пріятно и

начта-

наставительно; Но въ Мидлетонѣ не нахожу я всего того безпристрастія, о которомъ онъ возвѣщаетъ. Не изрядное ль то противорѣчіе, когда онъ хочетъ оправдить Цицерона въ тщеславіи, которымъ его обвиняютъ, а по томъ вноситъ онъ его письмо къ Лукцею. Человѣкъ написавшій къ своему пріятелю: *Хвали меня, да и не мало; Поступай далѣе истинны; Не будь невольникомъ историческія правды* и проч: после того: *Оканчивай скорѣе сіе сочиненіе, дабы пользовался я моею славою пока еще живъ* и проч: Человѣкъ тотъ по мнѣнію Мидлетона, говорю я представится ли кроткимъ, а можетъ быть и смиреннымъ, и что еще не знаю? Я уступлю красотѣ ума Цицеронова, его любви къ отечеству, его безкорыстію на конецъ соглашаюся хвалить его добродѣтели и его дѣйства преизрядныя; Но ни кто мнѣ не по-

спо-

спорит, что все то было со тщеславїем не дозволенным. Человѣк честной сам себя устыдится должен, говоря, что желает быть хвалим паче достоинства своего; как дерзнет он того требовать, ежели не снабден сильным безстыдством? Ах не могу я того снести! Обыкновенное дѣло желать, от всѣх удивленїя; Но очень рѣдко, чтоб нагло того требовать, да еще и таким образом! *Поступай далѣе истинны* . . . . Ах! фи, фи, .

50.

Я углубилася в задумчивости, так будто из памяти выступила . . . . .

Случается то еще со мною, бываю я иногда час или два не подвижна, как статуя, с открытыми глазами, в одно мѣсто утупившимися и ни чего не видящими: Около меня ходят, подходят, говорят: Но все то как ни что для меня; Я со всем вдаюся в мои

 раз-

разсужденія и обыкновенно смотрю я на будущее. Разпоряжаю я произшествія, кажется, что вижу сбытіе того, чего опасаюся, или чего желаю. Я смиряюся, ужасаюся, раздражаюся, смотря по предмѣтамъ, каковы представляются моему воображенію, и оно тогда вмѣсто всего мнѣ служитъ.

Я чаю истинно, что сіе есть то самое, что нѣкоторые тайнственники называютъ возторгомъ или возхищеніемъ: Ежелибъ съ такою же живостію обратила я свои мысли къ небу, имѣлабъ столькожъ привидѣній небесныхъ, сколько имѣю земныхъ, и началабъ думать можетъ быть, что я святая, (да еще и съ открovеніями) ибо часто случается, что я попадаю точно на то, что сбывается, и не чувствительнобъ довела я себя до такой гордости, за которую проклинаютъ. Правдажъ, что и безъ того моглабъ я себя подвергать проклятію, о чемъ крайне сожалѣю; (ибо великую имѣю охоту быть набожна и великое желаніе любить бога) Но

знаю

знаю я, что онъ можетъ, что хощетъ, да не хощетъ чего я желаю; Разсужденіе сіе все портитъ, или по меньшей мѣрѣ, убавляетъ мою горячесть. Знаю я, что должнобъ любить Крестъ свой и печали умерщвляющія; Но по нещастію Небо не даровало еще мнѣ къ тому охоты; Да у меня жъ того уже такъ много, что я крайне тѣмъ себя утомила бы, хотябъ то было всего въ свѣтѣ полезнѣе.

51.

Безъ труда мнѣніе свое обьявляю о нещастіи другихъ, и находятъ всегда, что еще они больше щастія имѣютъ нежели мнятъ.

Вотъ тому одинъ примѣръ. Г . . . Человѣкъ любезный, но всегда утѣсненный разными прискорбностьми, противъ которыхъ борется онъ только своею отвагою и терпѣніемъ. А какъ въ одинъ день оказывалъ онъ свою утомленность отъ гоненія фортуны, услышала я разговоръ, котораго ни когда не забуду. Чело-

ловѣкъ жестокосердый и пребогатый ему говорилъ: О чемъ вы печалитеся? Небо не даровало вамъ нѣкоторыхъ пользъ въ имѣніяхъ, то правда; Но одарило оно васъ премножествомъ такихъ, которыя изобильно васъ награждаютъ: Чего сіе стоитъ, пожалуйте скажите мнѣ, быть рождену такъ какъ вы, съ достоинствомъ, съ пріятностію и съ разумомъ изряднымъ? Знать по вашему искуству, какъ привлекать къ себѣ отъ всѣхъ почтеніе и уваженіе? Все то недолжноль утѣшать васъ? Нѣтъ, отвѣтствовалъ Г . . . . . Находилъ бы я больше пользы быть дуракомъ да богатымъ. Правда что отдавалибъ честь и почтеніе моему богатству, а не мнѣ самому; А сіе конечно не очень прелестительно, когда то чувствуютъ; Но дуракъ такъ далеко не видитъ, онъ все къ себѣ причитаетъ, и чтетъ себя достойнымъ почтенія всесвѣтнаго: И такъ съ одной стороны тѣмъ ни чего я не терялъ бы, а съ другой премногобъ я пользовался; для

для того, что какъ бы скоро чего пожелалъ, былъ бы надѣженъ то получить, когда могъ бы платить чистыми наличными деньгами: а какъ мнѣнїе мое а не чужое можетъ меня дѣлать щастливымъ, по тому имѣю причину жаловатся на судьбу свою, когда она отдаляетъ меня отъ того, чего я желаю. О! Говорилъ ему богачь: вы то примаете не съ хорошей стороны, богатство ни чьего щастїя не дѣлаетъ, а щастїе состоитъ въ прїобрѣтенїи отъ всѣхъ почтенїя, и въ умѣньѣ нажить себѣ друзей. Вотъ что одно достойно желанїя, и должно составлять истинное блаженство; А тѣмъ точно небо васъ и одарило богато, ежелижъ вы не довольны, вы виноваты и мучите себя мечтами. Повѣрте мнѣ, чувствуйте ваши пользы и ваше превосходство; Вы такїя дорованїя не довольно уважаете.

Какое разсужденїе, вскричалъ Г. . . . Признаюся, что все то что нибудь значитъ, да еще и много; Но по

 истин-

истинно быть самому, собою доволь-
нымЪ недостаточно кЪ тому, чтобЪ
быть довольнымЪ и своимЪ жребіемЪ;
Вопреки тому весьма тяжко находит-
ся отдаленнымЪ отЪ всего того, че-
го достойнымЪ себя почитаютЪ, и
быть всегда вЪ невозможности слу-
жить лучшимЪ и любезнѣйшимЪ друзь-
ямЪ своимЪ. Сіе одно разсужденіе уже
сокрушительно; Но вы походите на
стоящихЪ у берегу людей, во время
какЪ другіе утопаютЪ; Они имЪ кри-
чатЪ: Ухватитеся за то дерево, или
сядте на ту близкую отЪ васЪ дос-
ку; Старайтеся доплыть до сего мѣ-
ста. Всего легче говорить такЪ;
Но между тѣмЪ бѣдные тѣ нещаст-
ливцы бьются, мучатся, глотаютЪ во-
ду и на дно уходятЪ. Тогда подавав-
шіе имЪ толь добрые совѣты, гово-
рятЪ: АхЪ какой страхЪ, какой ужасЪ!
Но вмѣсто того надлежалобЪ потру-
дится и нѣчто отважить для спасе-
нія ихЪ отЪ такой бѣды. ВотЪ вѣр-
ной примѣрЪ тому, что мы по вся
дни видимЪ; По премногу обЪ васЪ
сожа-

сожалѣютъ, чувствуютъ, что вы достойны другаго жребія; Но со всемъ тѣмъ вы однако утопаете. Выговаривая сіе Г . . . . Вышелъ разсердяся; А я поистиннѣ вѣрю, что они оба правду говорили.

52.

Печально боротся съ великою страстію; болѣзнь та не изцѣляется, какъ воздержаніемъ долговременнымъ и требуетъ она раченія всегдашняго и безпрестаннаго. Вотъ чего многіе люди здѣлать не имѣютъ ни силы, ни храбрости, нѣкогдажъ и не хотятъ того сами. Кажется удобнѣе ей поддатся; Но тогда непріятель сей обитаетъ въ насъ самовластно. Всегда уже стоятъ на самомъ краю пропасти, и часто въ нее упадаютъ. Сіе заставляетъ меня говорить, что нѣтъ ни кого дѣйствительно щасливаго; Ибо надобно боротся со страстьми, или имъ поддаватся; А то и другое состояніе пребѣдное. Есть еще третіе, которое былобъ самое лучшее, ежелибъ оно отъ насъ зависѣло, то есть: не имѣть страстей.

53.

Извѣстны мнѣ и пустота жалобъ и нужда покорятся своему жребію . . . .

Искуство тяжкое, но при нѣкоторыхъ случаяхъ оно полезно; Когда однажды въ томъ искусилися, надобно тѣмъ пользоватся и довольно въ умѣ своемъ затвердить, что великой есть стыдъ, а помощи нѣтъ никакой, возбуждать сострадание. Трата со всемъ напрасная унижать себя привлеченіемъ другихъ на жалость; Ни что не можетъ утѣшать бѣдъ, которыми жизнь человѣческая наполнена, какъ кротость, умѣренность, благоразумие, терпѣніе и бодрость: Всѣ другія добродѣтели обращаются ко благу общества; А сіи составляютъ твердѣйшій щитъ и крѣпчайшую подпору противъ всѣхъ нещастій намъ приключающихся. То наше есть сокровище, наше существительнѣйшее имѣніе, наша не измѣнная Надѣжда; Словомъ: на то одно только полагатся мы можемъ благоразумно.

54.

Сложенїе тѣлѣсное рѣшитъ наши склонности и вкусы, а не разсужденїе . . . .

Подлинно такъ, да и самой мудрый человѣкъ почти не знаетъ чего онъ хочетъ, и чего желать онъ долженъ. Склонные къ Меланхоли сердятся, когда ихъ отъ нее отвлекаютъ; Они жалуются на свою участь, да и любятъ на то жаловатся, въ томъ состоитъ нодобїе ихъ блаженства; Веселїе въ другихъ ихъ тяготитъ, для удосольствїя ихъ надобно всѣмъ печалится; Тогда, кажется, они чувствуютъ облегченїе и вступаютъ въ нескладную веселость, которая удивляетъ присудствующихъ, чего сами они не примѣчаютъ.

Съ другой стороны, люди любящїе веселїе, всегда его ищутъ, да его не находятъ. Они только въ разбродѣ, и вдаются въ разбродъ тотъ, дабы разгонять скуку, которая готова ихъ со всемъ задушить: Нѣтъ на свѣтѣ людей, которые былибъ

лилъ подлинно довольны и веселы, какъ токмо тѣ, которые одни себя упражнять умѣютъ, и которые дѣлаютъ себѣ забавы не зависимыя отъ общества. Все что привязываетъ насъ къ людству, всегда заготовляетъ намъ труды и заботы.

55.

Хорошо требовать совѣта, когда щастливо кто родится . . . .

Для того, что тогда будто господствуютъ надъ произшествїями: Но когда явно нещастїе гонитъ, не остается уже мыслить какъ о покоренїи себя нуждѣ обстоятельствъ, въ которыхъ находятся; Глупо у друзей своихъ спрашивать мнѣнїя; Къ чему то послужитъ? Развѣ только часто къ отвращенїю васъ отъ того, что подлинно потребно и что имъ однако не таково кажется, для того, что разсуждаютъ они о томъ относительно къ себѣ, а не къ вашему состоянїю; Слѣдуетъ изъ того, что не можно поступать по ихъ совѣтамъ,

тамъ, а они за то сердятся: Ежели жъ по нихъ поступятъ, и ввергнетъ то насъ въ большія трудности, они при томъ насъ оставятъ, за наше къ нимъ послушаніе. И такъ возвращаюся я къ своей системѣ, что должно всегда поступать по возможности наилучшимъ образомъ, а въ прочемъ покарятся своему жребію съ терпѣніемъ.

56.

Не боязнь заставляетъ меня ненавидѣть дѣла жестокія и безчеловѣчныя; Но опасаюся я стыда для того, что онъ всегда падетъ на тѣхъ кто ихъ дѣлаетъ.

57.

Дружба людей слабыхъ есть вещь паче всѣхъ другихъ скудѣльнѣе. Самовольно похотѣлибъ заготовлять себѣ печали, когдабъ стали на нее полагатся; Однако отрещися отъ нее трудняе, нежели чаютъ. Такого рода люди каковы ни есть, бываютъ однако любезны; Они имѣютъ не какое чистосердечіе, сильно къ себѣ при-

привлекающее тѣхъ, у кого сердце истинное и правое. Однимъ словомъ весьма былобъ усладительно къ нимъ приставать, ежелибъ не подвержены они были перемѣнѣ; Да не взирая еще и на то, обходится съ ними лучше, нежели съ флегматиками: Сіи издалече усматриваютъ начинающуюся къ нимъ склонность; Притворствуютъ они тогда во всемъ, что можетъ содержать ваши мнѣнія, ежели они хотя мало могутъ служить къ ихъ пользамъ, къ ихъ веселостямъ и къ ихъ славѣ; Но не должно думать, чтобъ они своихъ друзей искренно любить умѣли. Всегда и во всемъ они только самихъ себя въ виду имѣютъ; И ежели первые мало надежны сіи весьма обманчивы и лживы. Въ дружбѣ, всегда я примѣчала, люди живости наполненные всѣхъ лучше, по тому, что обыкновенно имѣютъ они сердце доброе, а вмѣсто того у флегматиковъ оно обыкновенно очень дурно.

58.

Удивляюся я иногда страннымЪ разсудкамЪ публики . . . .

НашлабЪ я тому тысящу примѣровЪ. Пусть нѣкто самЪ о себѣ сказываетЪ: Я АвторЪ почтенной по красотѣ и по трудности предпрїятаго мною сочиненія; По томЪ увеличиваетЪ онЪ труды свои и работу; Тысяча человѣкЪ слову его повѣрятЪ, и станутЪ за нимЪ говорить: АхЪ! Великїй то сочинитель!

Г: РолленЪ, столько книгЪ издавшій, вздумалЪ сказать (по кротости весьма рѣдкой вЪ сочинителяхЪ) что онЪ только собиратель или выбиратель; ТотчасЪ почли то ему вЪ смиренїе, и книги его больше возимѣли успѣху, нежель того стояли; Но одумався говорилижЪ: человѣкЪ тотЪ только прескучной выбиратель прибавляющїй разсужденїе свое кЪ историческимЪ мѣстамЪ, которыя онЪ грабитЪ по всюду. ОднимЪ словомЪ публика кЪ его увѣдомленїю пристала.

ла, и большая половина неинаково мыслитЪ объ немЪ, какЪ о копистѣ довольно неразумительномЪ; И я уже смотрю на его изданія, какЪ на готовыя завтражЪ упасть вЪ презрѣніе, со всемЪ по другой причинѣ, а не по той, которая натурально имЪ вредить имѣла бы.

ЕжелибЪ мнѣ говорили, что сочинения Г: Роллена студены или сухи для того, что онЪ вЪ нихЪ примѣшиваетЪ разсужденія собственныя скуку навлекающія, хотя сами собою они полезныя; Но слогЪ его вялЪ, и усыпителенЪ. Я сказалабЪ, что все то правда; но какЪ придутЪ мнѣ доказывать, что онЪ не надобной собиратель такихЪ мѣстЪ, которыя вездѣ находить можно. О! Тогда я за него вступляюся: да гдѣжЪ тотЪ историкЪ, которой бы не былЪ собиратель или выбиратель? развѣ тотЪ только которой пишетЪ, что вЪ глазахЪ нашихЪ дѣлается. КогдажЪ хотятЪ хватится за древность, необходимо должно трудится по запис-

скамЪ

скамъ другихъ; а тогда и будутъ всѣ собиратели и выбиратели; и такъ нарѣканїе то само собою изчезаетъ.

Сочинитель, которой пишетъ только то, что видитъ, очень мало напишетъ жизнь толь коротка, разумѣнїе такъ ограничено, что и тѣ, кои пишутъ нѣкоторыя дѣянїя, не надѣжны предавать ихъ за подлинно такъ, какъ они произходили, хотя они все тому и современники. Не повсядневно ль мы видимъ самое малое произшествїе, разнствующее въ своихъ обстоятельствахъ, по людямъ которые о томъ повѣствуютъ? Не много больше того вѣрить можно и писателямъ; Однако должно употреблять оставляемые отъ нихъ намъ припасы, и трудящїйся въ томъ съ разсмотрѣнїемъ, конечно похвалу заслуживаютъ Г: Ролленъ изъ тогожъ числа, онъ прогрѣшилъ только въ формѣ, а въ прочемъ онъ такой же собиратель какъ и другїе.

59.

Всякая вещь имѣетъ свою силу и свои степени, по употребленїю каково изъ нее дѣлать похотятъ . . . .

Довольно быть любезною для людей намъ ни чего незначущихъ; Но надобно нѣчто больше, то есть: быть важною для своихъ друзей; Довольно имѣть для другихъ наружность и поверхность добродѣтели; Но того мало для себя самой; Надобно ее имѣть дѣйствительно. Я чаю что очень тяжело внутренно стыдится отъ отдаваемаго намъ почтенія, а избѣгать того не можно; Ибо мы сами себя почитаемъ больше, нежелибъ хотѣлося.

60.

Любовь есть чувствованїе преcладкое, что понимать не трудно; Но онажъ и претягостна по своимъ обстоятельствамъ и зависимостямъ . . . .

А больше всего она не свойственна лѣнивымъ какъ и говорится, что наибольшей лѣнивѣцъ становится про-

во-

ворен, когда любовь им овладѣет; сїе доказываетъ сильно, что они несовмѣстны Г: Ларошефъ утверждаетъ, что любовь дѣлаетъ лѣнивцомъ человѣка самаго живаго; Я тому спорю: она его дѣлаетъ задумчивымъ; Вотъ въ томъ я согласна, но тишина та только наружная по тому, что все его проворство заключается въ главномъ для него предмѣтѣ, состоящемъ въ его страсти, отъ того онъ не брежетъ о всемъ прочемъ. И такъ являемое сїе небреженїе приходитъ не отъ лѣности, но отъ того, что онъ мыслитъ объ одной только вещи.

61.

Я иногда хотѣла разсматривать начало ревности, но ея столько разныхъ родовъ, что принуждена была принятся за сложенїе тѣлѣсное....

Однако чаю, что есть одна довольно естественная, состоящая въ страхѣ лишится довѣренности или прїятности любимыя особы. Ежели бъ страхъ тотъ изъяснялся съ тихостїю и умѣренностїю, и въ состоянїи находился бъ отъ

 того

жого отстать, увѣрена я, что доказывая любовь, онъ еще больше ее подкрѣплялъ бы съ обѣихъ сторонъ: въ сей степени ревнивость есть самая нѣжность. Нѣсколько жъ повыше жестокость, а часто и обида; Далѣе жъ того становится она ярость, бѣшенство; Но всего злѣе та несносная ревнивость, которая напаяетъ ядомъ самыя безпорочныя поступки; Тожъ самое дѣлаетъ ее посмѣятельною; ибо какъ скоро примѣтятъ, что кто нибудь ревнивъ, въ забаву себѣ ставятъ за женою его ходить, на ухо ей пошоптывать, дабы видѣть какимъ лицемъ онъ на то смотрѣть будетъ; Да и женщины мущинъ на такую шутку поощряютъ, въ насмѣшку бѣдной жертвѣ тѣмъ безуміемъ зараженной: и такъ съ обѣихъ сторонъ нещастіе, по общему заговору тѣшиться надъ ревнивымъ и печалить соперниц улюбви достойную.

Ревнивыя женщины вытерпливаютъ равно такія же приключенія, да еще множество и другихъ. По истиннѣ полная довѣренность лучше всего, да можетъ быть и величайшій знакъ любви. Бѣдное

дное дѣло и много жаль, ежели природное сложенїе тому противится.

62.

Есть вещи, которымъ не хотятъ вѣрить для того, что ихъ не понимаютъ . . . . .

Со всемъ тѣмъ ежели мы похочемъ разсмотрѣть внутренность нашу, должно признатся, что находятся вещи непроницаемыя или непостижимыя для нашего понятїя, которыхъ однако мы чувствуемъ бытїе дѣйствительное, на примѣръ: мы не можемъ себѣ препятствовать въ томъ увѣренїи, что мыслимъ, а въ тожъ время видимъ ясно, что сила та мысленная бываетъ часто весьма непонятна. Умоначертанїя нащи по вся минуты сражаются и между собою противятся; что мы называемъ разумъ, борется съ тѣмъ, что называемъ страсти, то есть: что страхъ или стыдъ тиранскїй мучатъ желанїя: мы порочимъ то, что дѣлать желаемъ, а по томъ мы дѣлаемъ то, что порочили. Человѣкъ самъ съ собою ни когда не согласенъ; всѣмъ то извѣстно, ибо всѣ то чувствуютъ по всядне-

но или представляютъ тысящи резоновъ, которые трудности сей не обьясняютъ, ежели не допустится вѣра: а какъ вѣра должна употреблена быть въ предмѣтахъ толь близкихъ составляющихъ часть самихъ насъ, для чего жъ хотятъ о вѣрѣ мнить, что она не надобна или смѣшна, когда что коснется до религїи? Можно ль намъ себя увѣрять, что одними нашими просвѣщенїями изъяснимъ мы касающееся до Божества лучше, нежели принадлежащее собственно до самихъ насъ. Сїе чаянїе со всемъ безумное; Однимъ словомъ я держуся религїи отцовъ моихъ пока опорочивающїй ее сыщутъ мнѣ нѣчто лучшее: ежелибъ въ системѣ философовъ нашего времени, усмотрѣла я истинны толь ясныя, толь заключительныя, толь глубокоизысканныя, что не чего бъ было мнѣ противъ того сказать? Я тому уступила бы всеконечно; но когда ни чего твердаго не показываютъ противъ того, что я нахожу установлено, я такъ то и оставлю, и не думаю отставать отъ тьмы почтенныя, и приставать со всемъ къ ни чему; ибо господа тѣ ни чего не

со-

созидаютъ, а только забавляются все разорять, сїе кажется мнѣ не удовольствительно.

63.

Хвалятъ надѣжду; Но она такъ обманчива, что надобно бъ ей давно уже потерять кредитъ свой. Она есть мечта основанная на тьмѣ величайшей, по тому, что созидаемъ мы всѣ прожекты наши на будущемъ, чего знать и на то разумно полагатся не можемъ.

64.

Бываютъ такїе часы, что умъ нашъ какъ будто останавливается и ни чего внимать не можетъ....

Сїе подлинно: возмутъ книгу, читаютъ и не знаютъ что читали, разговаривающїе съ вами не больше того васъ упражняютъ. Голосъ рѣчей ихъ не доходитъ до ушей вашихъ; Однимъ словомъ ни что не веселитъ и не привлекаетъ: чтожъ значитъ такое состоянїе? Ни когда не могла я того изьяснить сама себѣ и стыжуся признаться, что я въ немъ нѣкогда находилася. Оно должно бъ быть дѣйство печали, по нѣкоторому не прі-

ятному приключенію; Но все не то: оно есть единочасное безумство, которое само отъ себя происходитъ.

65.

Добринькой П.... Говорилъ мнѣ: полагай, что всѣ люди злы, ни въ чемъ ты почти ни когда не ошибешся......

Я была еще такъ молода, что не великое прилагала вниманіе къ сей рѣчи; А почитала то за его огорченіе противъ придворнаго житья, гдѣ онъ препроводилъ тритцать лѣтъ не обогатившъ себя ни мало; и противъ нѣкоторыхъ друзей, которые, по его ожиданію, не такъ съ нимъ поступали, какъ имъ было должно. Причины сіи могли также имѣть въ томъ участіе; Но подлинно, что долговремянное искуство между людьми знатными научилъ его ихъ разпознавать въ тонкость; и я хотя мало съ ними обходилася, могу однако сказать, что не со всемъ онъ въ томъ виноватъ. Ни когдабъ тому я не повѣрила, ежелибъ случившіяся со мною нѣкоторыя обстоятельства, не показали

ли мнѣ наружѣ мерзскихъ чудовищъ, которыхъ я Ангелами почитала; однако былобъ крайне не правосудно воображать себѣ то за общее правило.

66.

Всегда бываютъ обстоятельства, которыми умножаются печали, хотя обстоятельства тѣ и посторонния . . . .

На примѣръ: когда кто безщастенъ, тотъ хочетъ, чтобъ любящіи его были въ томъ чувствительны; А ежели они того ему не довольно изъявляютъ, мучится онъ тѣмъ на равнѣ съ своимъ нещастіемъ. Однако говоря по самой правдѣ, ни другихъ мнѣнія, ниже тщетныя засвидѣтельствованія могутъ врачевать нѣкоторыя бѣды; Но хотятъ чтобъ тужили, хотя и стыдно что объ насъ тужатъ. Не понятное дѣло, сколько умъ человѣческой совокупляетъ противорѣчій, и сколько сила его умоначертаній власти надъ нимъ имѣетъ: странно и то, что печалятся больше о постороннемъ, нежели о самомъ дѣлѣ.

Вотъ

Вотъ предисловіе мое ужъ и окончано, а книги за нимъ слѣдовать имѣющей, еще нѣтъ. Да вотъ тому и причина: я хотѣла писать исторію сама о себѣ, но исторія моя еще не готова, для того, что я еще не стара; и такъ надобно обождать, пока я отъ всего отрекуся, дабы писать уже о себѣ безъ пристрастія. Сожалѣю госпожа публика, что я обманула ожиданіе ваше; но разсудите, что и я нахожуся въ числѣ общественномъ: большая часть авторовъ чудеса обѣщаютъ въ своихъ предисловіяхъ, да ни чего изъ обѣщаннаго не выходитъ. Однако когда нибудь въ словѣ своемъ устоять я надѣюся и то вамъ обѣщать осмѣливаюся; Только не со всемъ тому вѣрьте, по тому, что я отсрочиваю вамъ до моей старости, а я можетъ быть и всегда молодою себя поставлять буду: затѣи такія въ женщинахъ обыкновенно и не рѣдко бываютъ.

КОНЕЦЪ.

Мыслямъ бродящимъ.

